
Цена побед: о стоимости военных кампаний в России XVIII в.

Игорь Курукин

The price of victories: on the cost of military campaigns in Russia
in the 18th century

Igor Kurukin

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016247-2

В славном для российского оружия XVIII столетии империя воевала почти полвека — 49 лет. Ход и результаты этих войн изучаются давно и успешно — им посвящены многотомные труды и огромное количество отдельных работ и публикаций документов. Финансовая же сторона военных усилий известна куда меньше, как, впрочем, и история российских финансов данной эпохи. По сути, единственной сводной работой по данной теме остаётся монография С.М. Троицкого¹. В фундаментальной монографии Л.Г. Бескровного приведены подробные сведения о материально-техническом обеспечении армии и флота — о производстве пушек, ружей, пороха, сукна, военных кораблей и т.д. Расходы же в денежном исчислении даны по работе Н.Д. Чечулина о финансах в царствование Екатерины II. Чечулин преимущественно по опубликованным А.Н. Куломзинным финансовым документам рассчитал общие расходы на армию и флот и отдельно выделил средства, пошедшие непосредственно «на войну», не указав принцип подобного разделения. Согласно расчётам Чечулина, русско-турецкая война 1768—1774 гг. обошлась казне в 34 755 тыс. руб. (помимо прочих обычных расходов на армию и флот); для войны 1787—1791 гг. автором даётся гораздо меньшая сумма — 11 300 тыс. руб. (помимо прочих военных расходов)².

Для подобной ситуации есть свои объективные причины, кроме сложности подсчётов обычных трат на содержание армии и расходов, связанных с конкретными военными действиями. В первой половине XVIII столетия отсутствие «единства кассы» делало невозможным для современников (и для историков) точный учёт потребностей, доходов и расходов отдельных ведомств. В жаловавшейся на недостаточное финансирование Военной коллегии (сами военные оценивали долги государства перед ними за пять лет начиная с 1724 г. в 2 227 057 руб. 57³/₄ коп.)³ «штатская» комиссия кн. Д.М. Голицына обнаружила объявлявшиеся каждый год «остаточные» суммы, которые складывались из невыплаченного жалованья, «разных сборов», помимо подушной подати, сэкономленных на закупках сумм и т.д. и составили за три года почти

© 2021 г. И.В. Курукин

¹ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966.

² Чечулин Н.Д. Очерк по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 314—315, 316—317; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (очерки). М., 1958. С. 377—378.

³ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 20, ч. 1, л. 22.

6,5 млн руб. (не считая стоимости хранившегося в армейских «магазинах» провианта и фуража)⁴.

Расчёты между ведомственными кассами порой заводили в тупик. В 1739 г. Военная коллегия жаловалась на неуплату Штатс-конторой им «на полки персидского и ландмилицкого корпуса» 710 746 руб. Однако штатские чиновники полагали, что должны только 1 тыс. руб., и платить отказались. Не имевший возможности рассмотреть дело по существу Кабинет, как обычно, отправил бумаги обратно с требованием «учинить счета» и найти деньги. Дело разрешилось компромиссом: Штатс-контора отыскала 200 тыс. руб., а просьбу выдать недостающее отправила «наверх» — к императрице, лично распоряжавшейся доходами Соляной конторы⁵.

Ревизион-коллегия в мае 1732 г. докладывала: коллегии и конторы прислали счета «неисправные», из которых «о суммах приходу и расходу видеть было нельзя». Далее перечислялись причины: чиновники ссылались на исчезнувшие документы или на отсутствие ответственного за «счета» лица; в других учреждениях составлялись бумаги за подписью мелких клерков, а не руководства; третьи действовали по принципу «подписано — и с плеч долой», отказываясь принимать «неисправные» документы обратно. Наиболее невразумительными отчётами отличалось как раз военное ведомство: присланные им бумаги оказались «весьма неисправны, а против прихода и расхода написаны недостатки, и в прочем одни с другими смешанные, отчего не только впредь, но ныне произошла камфузия»⁶. Эти выводы нельзя не признать справедливыми: при разборе архивных документов финансовой отчётности уразуметь их смысл и систему подачи цифр бывает порой весьма трудно, а сопоставить с показателями других лет часто невозможно.

Даже в более поздние времена и при более точном учёте внештатные расходы нередко совершались на основании записок Екатерины II с приказанием о выдаче суммы из средств того или иного ведомства. Поэтому перед Экспедицией о государственных доходах задача систематизировать расходную часть не ставилась, и до 1780-х гг. расходной ведомости не существовало. Позже она «сочинялась» нерегулярно и неполно — в ней показывали лишь те траты, которые образовывали ресурс казны. Время от времени по требованию Екатерины задним числом составлялись ведомости о чрезвычайных расходах в связи с военными действиями⁷.

Между тем в архивных документах можно встретить и более конкретную информацию о военных расходах. Поделюсь некоторыми, пусть и неполными, данными о расходах во время Персидского похода Петра I 1722 г., Семилетней войны 1756—1763 гг. и русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг. Первая из названных кампаний была короткой. Собранная в Астрахани пехота (семь драгунских полков, украинские и донские казаки двигались степью) вышла в море на десантных судах 18 июля 1722 г. 7 июля началась высадка на Аграханском полуострове; 5 августа войска выступили из лагеря в поход до Дербента, а уже 6 августа двинулись назад; в сентябре большая часть армии

⁴ РГВИА, ф. 23, оп. 1/121, д. 825, л. 3.

⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 126. СПб., 1907. С. 192—193.

⁶ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731—1740 гг. // Сборник ИРИО. Т. 106. СПб., 1899. С. 110; РГАДА, ф. 248, оп. 5, д. 229, л. 270—273 об.

⁷ Разманова Н.А. Первый государственный казначей России: к 250-летию со дня рождения А.И. Васильева // Финансы. 2012. № 2. С. 20.

вернулась в Россию. Общая численность войск, назначенных для участия в походе, составляла около 50 тыс. человек, однако с учётом отставших и оставшихся в лагере в марше от места высадки до Дербента участвовало меньше 40 тыс. человек. Построенный флот должен был обеспечить переправу войск и снаряжения и снабжение провиантом на берегах Каспийского моря. Войска заняли Аграханский полуостров и приморский Дагестан до Дербента. Боевые столкновения были незначительными. Самыми страшными «неприятелями» оказались непривычные природные условия и «вредительный» климат. Именно они, судя по итоговым октябрьским рапортам командиров отрядов регулярных войск (28 510 человек), вызвали наибольшие потери в войсках. Во время короткой экспедиции 2 541 человек умерли и 257 пропали без вести — без учёта скончавшихся после похода больных.

18 декабря император и гвардия парадом вступили в Первопрестольную через триумфальные ворота. В Петербурге сенаторы «за здоровье Петра Великого, вступившего на стези Александра Великого, всерадостно пили». Менее торжественно подводились финансовые итоги. 19 декабря Штатс-контор-коллегия доложила Сенату, что расходы на провиант составили 320 048 руб., а перед тем назвала сумму чрезвычайных расходов по Адмиралтейству — 323 057 руб. (если не вся она, то как минимум значительная её часть была связана с подготовкой похода на Каспий). Позднее, в 1731 г., Военная коллегия подсчитала, что на жалованье, артиллерию, амунизию, покупку судов и прочих припасов (за исключением провианта) для похода 1722 г. было истрачено 681 574 руб.⁸ Таким образом, военная экспедиция на Кавказ обошлась казне минимум в 1 млн руб., не считая обычных расходов на армию.

Точную же стоимость военной операции установить едва ли удастся, однако ясно, что она была ещё выше. В числе сверхсметных расходов Штатс-контора указала подарки хану Аюке (тысяча золотых и меха на 5 тыс. руб.) и его калмыкам (25 тыс. руб.), направленные резиденту Ивану Неплюеву в Стамбул 8 тыс. золотых и меха на 9,5 тыс. руб. Камер-коллегия известила о поставке смолы в Астрахань на 1 413 руб., а Медицинская канцелярия сообщила, что в 1722 г. в Низовой корпус было отпущено лекарств на 13 512 руб.⁹ Именно военные расходы стали главной статьёй рекордного роста трат «сверх окладу», составивших в 1722 г. 1 684 960 руб. против 290 259 руб. в 1720 г. и 580 272 рублей в 1721 г. Значительную часть указанной итоговой суммы — 639 960 руб. — составила выплата компенсации Швеции по договору 1721 г.¹⁰ Кроме того, в 1722 г. в России состоялись два рекрутских набора — в армию были взяты 25,5 тыс. человек.

Семилетняя война стала гораздо более масштабным конфликтом. В сентябре 1759 г. Коллегия иностранных дел запросила Сенат, сколько за три прошедших кампании «за границую на содержание российской армии вышло и здесь в государстве на вооружения как армии, так и флота издержано». По запросам в ведавшие военными делами и снабжением войск учреждения (Военную и Адмиралтейств-коллегии, Главный комиссариат, Главную провиантскую канцелярию, Канцелярию главной артиллерии и фортификации и проч.) были составлены последовательно дополнявшие каждую из предыдущих четыре ведомости. Последняя из них — «генеральная ведомость» от 17 ноября — сооб-

⁸ РГАДА, ф. 248, оп. 7, д. 380, л. 153 об., 222 об.; оп. 8, д. 437, л. 691, 699.

⁹ Там же, оп. 7, д. 380, л. 153 об.—154; оп. 8, д. 437, л. 702.

¹⁰ Там же, оп. 7, д. 380, л. 152, 153, 222 об.

щает, что подготовка и ведение военных действий за три с небольшим года обошлись России в 30 915 865 руб. 82³/₄ коп.¹¹

Точность приведённых в этой последней ведомости цифр вызывает сомнения — по причинам весьма относительной полноты собранных за короткий срок данных и разобщённости собиравших и тративших деньги ведомств. Тем не менее приведённые в «генеральной ведомости» данные могут быть взяты за основу при оценке бремени военных тягот России в войне. Согласно им, эта сумма включала затраты на жалование войскам, на артиллерию и вооружения флота, на заготовку провианта и «мундирных и амуничных вещей», а также нераскрытые «чрезвычайные разные расходы».

Естественно, что весьма большие для страны траты (по подсчётам С.М. Троицкого, все доходы империи за 1758 г. составляли 15 млн руб.)¹² не могли быть осуществлены в рамках обычного военного бюджета — уже по штатам расходов на армию от 1 мая 1756 г. «воинские расходы» составляли 6 683 096 руб. и превосходили размеры подушного сбора (5 212 685 руб.), поэтому на «удовольствие» войск тогда же было решено отпускать ещё почти 1 млн руб. из «новоположенных» после повышения в 1750 и 1756 гг. цен на хлебное вино доходов, из «соляных денег» и из «таможенных новоположенных прибыльных пошлин»¹³.

Судя по «генеральной ведомости» 1759 г., «окладные» суммы в 1757 и 1758 гг. покрывали меньше половины расходов действующей армии. Для финансирования военных действий употреблялись уже названные «новоположенные» доходы. Сюда же пошли чуть более 3 млн руб. «от Конференции», представлявшие собой австрийские субсидии согласно заключённой в январе 1757 г. конвенции. Деньги поступали в Коллегию иностранных дел от австрийского посла Эстергази¹⁴. На войну шли средства, полученные «от переделу медных денег» — чеканки копеек, денег и полушек новыми штемпелями по 16-рублёвой стопе из пуда меди. По мнению исследователей, эта операция принесла казне 6 млн руб.¹⁵ Трудности финансирования затянувшейся войны вызвали и повышение прямого налога — увеличение с 1761 г. оброчного сбора с государственных крестьян с 40 коп. до 1 руб.¹⁶

В числе неназванных «разных сумм» и «протчих доходов» можно предполагать сборы, полученные российской администрацией в завоеванной Восточной Пруссии. Согласно сведениям губернатора Н.А. Корфа, в 1757—1758 гг. с новых российских подданных было собрано 1 878 197 талеров; на месте было потрачено 617 548, остальное (1 260 554 талера, что составляло 882 457 руб.) предназначалось для действующей армии¹⁷. Сюда же можно отнести личные

¹¹ Троицкий С.М. Финансовая политика... С. 231.

¹² Троицкий С.М. Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. // История СССР. 1957. № 3. С. 197.

¹³ ПСЗ-I. Т. 14. № 10547.

¹⁴ В ведомости, направленной 22 мая 1762 г. в Секретную экспедицию Сената, отмечено получение от Эстергази 1 млн руб. в 1757 г., 500 тыс. руб. в 1758 г., 1 млн в 1759 г., 1 млн в 1760 г. и 500 тыс. в 1761 г. Общая же сумма указана в размере 4,5 млн руб., что не соответствует подсчётам; возможно, получение денег за вторую половину 1758 г. в тексте пропущено. Далее указано, что в 1761 г. командующий корпусом генерал-лейтенант гр. Г.П. Чернышёв получил ещё 400 тыс. руб. Если верить итоговой сумме в 4,5 млн, то всего в Россию поступило 4 млн 900 тыс. «субсидных денег» (РГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 255, л. 1–4).

¹⁵ Троицкий С.М. Источники доходов в бюджете России... С. 209.

¹⁶ Сенатский архив. Т. 11. СПб., 1904. С. 429; ПСЗ-I. Т. 15. № 11120.

¹⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1111, л. 181. Эти деньги по решению Сената тратились на доставку провианта в армейские магазины на Висле (Сенатский архив. Т. 12. СПб., 1907. С. 113). С 1761 г.

«комнатные» средства самой императрицы Елизаветы Петровны. Рескрипт из Конференции от 12 января 1761 г. извещал командующего А.Б. Бутурлина, что из отпущенной императрицей 1 тыс. пудов серебра к сентябрю будет начеканен 1 млн руб. «прусскими деньгами»¹⁸. Помимо того, невысылка в действующую армию в срок денег отчасти «исправлялась» займами самого командующего по векселям на свой «кредит»¹⁹, «контрибуционными деньгами» и экономией на жалованье от «некомплекта» в полках.

Между тем Военная коллегия сама производила подсчёт военных расходов за те же 1756—1759 гг. В этом «валовом щете» военные впервые решили учесть «стоимость» российских солдат, навсегда оторванных от своих хозяйств: «За собранных в 1754, 56, 57, 58 и в нынешнем 1759 годах рекрут 231 644 человека положить за каждого только по 60 руб., то зделает за всех 13 898 640». Выходило, что все военные расходы за 1756—1759 гг. составили сумму в 43 409 842 руб. 44 коп.²⁰ Очевидно, военные чиновники посчитали всех «запланированных» рекрутов. Данные Сената говорят о том, что их было несколько меньше: по набору 1757 г. (1 рекрут со 194 душ) требовалось собрать 30 425 человек, на деле же собрали 29 143, а «привели» в полки и того меньше — 25 402 человека. Набор 1758 г. (1 рекрут со 116 душ) должен был дать 50 276 человек; собрали же к февралю 1759 г. 44 443 человека; вместо положенных по «наряду» на 1759 г. 50 тыс. человек (по норме 1 рекрут со 128 душ) были собраны к декабрю 49 236 человек²¹.

Мне не удалось обнаружить данных за 1760—1761 гг., аналогичных сделанным за 1756—1759 гг. подсчётам военных расходов. Однако можно полагать, что они оказались примерно такими же, поскольку рассчитывались по «образцу» прошлых лет. На 1760 г. был запланирован 1 млн руб. из винных и соляных денег (как и на 1761 г.), 784 021 руб. из подушной подати, «жалованная сумма» провиантских и «комиссариатских» расходов в размере 1 465 728 руб. (как и в 1759 г.)²². Представляется, что расходы на действующую за границей армию в 1760 и 1761 гг. едва ли могли быть меньше сделанных (согласно последней «генеральной ведомости») в 1758 и 1759 гг. — соответственно 6 454 368 и 6 664 480 руб. (подсчёты мои. — *И.К.*). Таким образом, если не брать в расчёт предложенную Военной коллегией стоимость «человеческого материала», то к итоговой сенатской сумме в 30 915 865 руб. следует добавить ещё не менее 13 млн руб. за 1760—1761 гг. — и в итоге получатся те же 43 млн руб.

Примерно в тех же объёмах прогнозировал финансовое бремя и М.И. Воронцов. В своём «рассуждении» от 10 ноября 1760 г. он указывал, что «в сию войну уже слишком 40 миллионов рублей истрачено» за вычетом ежегодных контрибуций на содержание армии и австрийской субсидии²³. Верхней «планкой» военных трат можно считать сумму в 60 млн руб. — эта цифра содержа-

с Восточной Пруссии стали собирать деньги вместо рекрутов, набор которых признали нецелесообразным. В 1761 г. собранные по этой статье 160 735 талеров были отправлены в армию (Там же).

¹⁸ РГВИА, ф. 39, оп. 1/79, д. 254, л. 18. Пожалованная Елизаветой 1 тыс. пудов представляла собой примерно четырёхлетние поступления серебра с Колывано-Воскресенских заводов (200-летие Кабинета его императорского величества. СПб., 1911. С. 334).

¹⁹ Сенатский архив. Т. 12. С. 20. П.С. Салтыков обладал «полной мочью» заключать договоры с банкиром Риокуром (Архив князя Воронцова. Кн. 6. М., 1873. С. 374).

²⁰ РГАДА, ф. 20, оп. 1, д. 200, л. 1.

²¹ Там же, ф. 248, оп. 113, д. 1081, л. 25 об., 43, 46, 74.

²² Сенатский архив. Т. 11. С. 172; Т. 12. С. 3.

²³ Архив князя Воронцова. Кн. 4. М., 1872. С. 176.

лась в составленном в конце 1760 г. проекте инструкции российским дипломатам Г.К. Кейзерлингу и П.Г. Чернышёву, которые должны были отправиться на так и не состоявшийся мирный конгресс в Аугсбург²⁴. Соответствующие ей расчёты нам неизвестны, так что, скорее всего, внушительная сумма призвана была подкрепить позиции российских представителей: им следовало добиваться передачи Восточной Пруссии России, но при отсутствии поддержки со стороны союзников они имели право предложить её возвращение Фридриху II за 12 млн талеров.

Стоимость русско-турецкой войны 1768—1774 гг. подсчитали уже к её окончанию. В 1880 г. чиновник Государственной канцелярии и член Русского исторического общества А.Н. Куломзин опубликовал ряд важных документов, позволяющих судить о финансовом состоянии империи в царствование Екатерины II. Среди них — «всепопданнейший доклад» генерал-прокурора кн. А.А. Вяземского, содержащий «Счет о суммах чрезвычайных на содержание войск сухопутных во время бывшей войны употребленных»²⁵. В публикации ссылка на него указана по старому шифру («Дела по сношениям генерал-прокуроров с Сенатом, св[язка] 3»), однако документ поддается идентификации — это поданный в ноябре 1774 г. подлинник доклада за подписями самого кн. А.А. Вяземского и обер-прокурора Экспедиции о государственных доходах Сената А.И. Васильева²⁶.

Помимо собственно короткого доклада, документ содержит подсчёт чрезвычайных расходов во время только что прошедшей русско-турецкой войны. Основная часть доклада представляет собой пронумерованные счета по годам: «под № 1-м — о суммах на содержание сухопутного войска. Под № 2-м — о суммах на флот, в Средиземном море находившийся. Под № 3-м — о суммах в артиллерию и на крепости. Под № 4-м — о суммах чрезвычайных, в Адмиралтейскую коллегию и вице-адмиралу Синявину выданных. Под № 5-м — о суммах на министерские расходы. Под № 6-м — о суммах же чрезвычайных на внутренние расходы. Под № 7-м — о суммах, на покупку товаров употреблённых. Под № 8-м — генеральной, из всех ведомостей состоящий».

Итог составил 47 516 260 руб. Однако следует учесть, что авторы доклада указали не только военные, но и вообще все чрезвычайные расходы за указанные годы. Поэтому, как кажется, из итоговой суммы стоит исключить счёт № 4 на 3 029 564 руб. — он отражает расходы Адмиралтейств-коллегии, не связанные с боевыми действиями флота в Архипелаге, поскольку последние посчитаны отдельно. Счёт № 6 (внутренние расходы «из чрезвычайных сумм» в размере 3 700 702 руб.) содержит траты на строительство Екатеринослава, выдачи «в награждение», уплату процентов по внешним займам, расходы на строительство дорог, Екатерининского канала в столице и водовода для дворцовых прудов Царского Села, выдачи Медицинской коллегии, Сухопутному Шляхетскому кадетскому корпусу, Александро-Невской лавре, «фарфоровой фабрике», Тайной экспедиции Сената, Академии художеств. Наконец, счёт № 7 «о казённых товарах» на 3 824 159 руб. касается граничных операций придворного банкира И.Ю. Фридрикса по реализации российского железа, закупке испанской соли и других неназванных товаров.

²⁴ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 29, л. 58 об.

²⁵ Сборник ИРИО. Т. 28. СПб., 1880. С. 191—212.

²⁶ РГАДА, ф. 168, оп. 1, д. 134, л. 1—14.

Поименованные в счетах № 3 и № 5 расходы тоже не целиком связаны с войной. Конечно, военные действия требовали и дипломатических усилий — здесь и выкуп пленных, и траты на «татарскую комиссию», на крымского «калгу-султана» и на неудавшийся переговорный конгресс с турками в 1772 г. Однако трудно сказать, например, на что конкретно пошли 611 247 руб., предоставленные «в диспозицию» Н.И. Панину. А по счёту № 3 не раскрываются немалые «инженерные расходы»; неизвестно предназначение 352 019 руб., выданных «в диспозицию» генерал-фельдцейхмейстеру Г.Г. Орлову; 148 503 руб. пошли не на укрепление южных границ, а в «финляндский департамент крепостей». Принимая во внимание сказанное, можно грубо предположить, что связанные с военными действиями расходы составили 35—36 млн руб.

Представление о расходах на русско-турецкую войну 1787—1791 гг. даёт сводный финансовый документ из фонда Кабинета Екатерины II под названием «Ведомость о разных суммах, отпущенных с начала турецкой войны в ведение князя Григория Александровича Потёмкина Таврического и по его назначению другим»²⁷. Ведомость не датирована и не подписана, однако является белой рукописью и не содержит каких-либо исправлений или помет. Скорее всего, она составлена в Кабинете по окончании военных действий и смерти Г.А. Потёмкина, поскольку учитывала выплаты, состоявшиеся вплоть до 19 сентября 1791 г., и указывала конкретных лиц, присланных «от его светлости» для получения денег из Санкт-Петербургского казначейства для остаточных сумм или Ассигнационного банка; в других случаях отмечено, что средства передавались под расписку находившемуся в Петербурге адъютанту и доверенному лицу Потёмкина М.А. Гарновскому, через руки которого проходили миллионные суммы. При записях об отпуске денег из губернских учреждений указывались полученные об этом в столице «уведомления».

Финансирование чрезвычайных военных трат началось ещё «до действительного открытия турецкой войны» в октябре—декабре 1786 г. отпуском средств на армейские провиант и фураж (ввиду «превышения цен штатных») и жалованье казакам. Как оговаривалось в тексте, данные расходы предусмотрены для двух южных армий и флота, «не касаясь тех сумм, кои ассигнованы прямо в ведение графа Петра Александровича Румянцева Задунайского и особо по Кавказскому корпусу».

Большая часть денежных средств отпускалась из Ассигнационного банка, петербургского и московского «остаточных казначейств» и Монетного департамента. Из первого поступали бумажные деньги; из остальных — как ассигнации, так и серебряная монета (иногда указывалась как «мелкая») и золотые червонцы; из третьего — серебро, червонцы и серебряные «ефимки»-талеры (в 1789 г. «ефимок» считался за 1 руб. 75 коп.). Ведомость отмечает, что деньги выдавались на руки явившимся за ними армейским офицерам. В 1786 г. 2 млн руб. из Ассигнационного банка получил ротмистр Сергей Бабаев, а 769 934 руб. золотом и серебром из Монетного департамента увёз поручик М. Ильин; в 1789 г. артиллерийский капитан Т. Захарьин забрал из того же департамента 226 450 золотых червонцев на 830 316 руб.²⁸

В 1789 г. крупную сумму в 3 млн руб. под весьма высокий процент (30 коп. с рубля) дали при посредничестве придворного банкира Р. Сутерланда варшавские банкиры — из-за необходимости закупки в Польше провиан-

²⁷ Там же, ф. 10, оп. 3, д. 87, л. 3—54.

²⁸ Там же, л. 4, 20.

та для находившейся в Молдавии армии²⁹. Менее крупные суммы (от 13 до 250 тыс. руб.) поступали непосредственно из казённых палат Санкт-Петербургской, Московской, Псковской, Калужской, Ярославской, Орловской, Тульской, Пензенской, Смоленской, Саратовской, Рязанской, Екатеринославской, Черниговской, Харьковской, Курской, Могилёвской, Воронежской, Тамбовской губерний. Получали их офицеры и даже не имевшие офицерского ранга лица — в марте 1791 г. в Киев за предназначенными для капитана Пустошкина 50 тыс. руб. прибыл письмоводитель канатного завода Василий Казырский. Эти же гонцы затем доставляли средства по назначению и передавались из рук в руки: в феврале 1790 г. поручик Фурсов получил 10 тыс. руб., которые «по доверенности» отдал бахмутскому купцу Гаврилову. В иных случаях деньги отправлялись «через почту» или с подрядившимся лицом (с указанием соответствующих почтовых расходов или платы «за своз денег») прямо «к его светлости», в действующую армию к конкретным командирам (генерал-аншефам М.Н. Кречетникову и П.А. Текели, капитану 1-го ранга П.В. Пустошкину, генерал-майору Н.А. Андрееву), к интендантам (флотскому обер-штер-кригс-комиссару М.Л. Фалееву, «обер-квотермистру» Маркловскому) или в иные места, например в «контору Таганрогского порта». Иногда деньги в губернских городах принимали сами купцы-подрядчики поставок для войск — так в 1787 г. в Чернигове получил 5 тыс. руб. за поставленное вино кременчугский купец Алексей Топольцов; в 1789 г. в Могилёве 35 649 руб. были выданы «казённому комиссионеру» Ноте Хаимовичу; тульская казённая палата в 1790 г. отправила надворному советнику Гончарову и купцу Мешкову 28 148 руб. за парусину для флота; в декабре 1790 и в апреле 1791 г. по требованию Потёмкина нижегородский купец Степан Фальковский получил в Смоленске соответственно 25,5 тыс. и 18,5 тыс. руб.³⁰

Итоговые цифры таковы: в 1786 г. князю было отпущено 3 769 934 руб.; в 1787—1788 гг. к нему поступили 5 935 878 руб., 1789 г. — уже 11 618 756 руб., 1790 г. — 5 456 983 руб. и в 1791 г. — 10 035 539 руб. Прямые денежные расходы на действующие армии (включая Кубанскую) и Черноморский флот составили 36 817 092 руб. 39¹/₄ коп. К этой сумме составители ведомости добавили стоимость заготовленного и полученного войсками хлеба на сумму в 4 942 908 руб., что в общей сложности составило 41 760 тыс. руб. 56³/₄ коп.³¹

Приведённые данные являются ещё «сырым» материалом; полнота их учёта оставляет желать лучшего, а качество самой документации порой не даёт возможности с уверенностью ответить на вопрос, насколько те или иные расходы действительно связаны с военными действиями или вызваны ими. Столь же трудным представляется и подсчёт человеческих потерь — информация такого рода распылена по многочисленным рапортам командиров отдельных частей. Тем не менее они могут быть отправной точкой дальнейших исследований. Их задачей должно стать сравнение военных трат с соответствующими расходами других европейских держав и, в итоге, получение представления о том, каким было реальное бремя военных тягот молодой Российской империи и насколько оно влияло на качество жизни и динамику развития страны.

²⁹ Там же, л. 21 об.—22, 47 об.—48.

³⁰ Там же, л. 10, 26, 28, 44.

³¹ Там же, л. 54.